Джером К. Джером

Пирушка с привидениями

Введение

Это было в сочельник. Я начинаю именно так потому, что это самое общепринятое, благопристойное и респектабельное начало, а я был воспитан в общепринятом, благопристойном и респектабельном духе, привык поступать самым общепринятым, благопристойным и респектабельным образом, и эта привычка стала у меня второй натурой.

Собственно говоря, нет необходимости уточнять дату нашей вечеринки: опытный читатель, не дожидаясь разъяснения, сам поймет, что дело было в сочельник. Если в рассказе участвуют призраки, значит, время действия — сочельник. Это у привидений самый излюбленный и боевой вечер. В сочельник они справляют свой ежегодный праздник. В сочельник каждый обитатель загробного мира, из тех, кто хоть что-нибудь собой представляет (впрочем, о духах следовало бы говорить: каждый, кто *ничего* собой не представляет), — будь то мужчина или женщина, выходит на свет божий себя показать и людей посмотреть. Каждый красуется своим саваном, своим похоронным нарядом, критикует чужие костюмы и посмеивается над цветом лица других замогильных жильцов.

Своего предрождественского парада — так, я уверен, называют они между собой это событие — все жители царства духов несомненно дожидаются с большим нетерпением.

Особенно готовятся к нему высшие слои общества: злодейки-графини, зарезанные ими бароны, а также пэры с генеалогией от Вильгельма Завоевателя[1], успевшие придушить кого-нибудь из родичей и кончившие буйным помешательством. В эту пору в мире духов повсеместно и с большим усердием разучиваются глухие стоны и дьявольское хихиканье. Неделями, наверно, репетируются душераздирающие крики и жесты, от которых кровь леденеет в жилах. Заржавленные цепи и окровавленные кинжалы вытаскиваются и приводятся

в пригодный для работы вид, а покровы и саваны, заботливо спрятанные с прошлогоднего парада, вытряхиваются, чинятся и проветриваются.

Да, хлопотливая ночка в царстве духов эта ночь на двадцать пятое декабря!

Вы, конечно, успели заметить, что непосредственно в рождественскую ночь духи никогда не показываются. Видимо, волнения плохо отражаются на их здоровье и с них вполне хватает сочельника. Вероятно, целую неделю после сочельника духи-джентльмены жалуются на головную боль и торжественно клянутся, что с будущего года раз и навсегда прекратят всякие рождественские выступления, а призрачные леди становятся истеричными и колкими, то беспричинно заливаются слезами, то, не говоря ни слова, покидают комнату, стоит только с ними заговорить.

Привидения, которым нет надобности сохранять великосветские традиции, привидения среднего сословия, время от времени, насколько я слышал, появляются и в другие вечера, в свободное время. В канун Дня всех святых и в ночь под Ивана Купалу некоторые из них склонны отмечать своими посещениями какие-нибудь события местного значения, — например, годовщину повешения своего или чужого дедушки. Или появляются, чтобы предсказать какое-либо несчастье.

Ах, как он любит напророчить беду, этот рядовой британский призрак! Пошлите его предсказать кому-нибудь горе, и он просто вне себя от счастья. Дайте нашему призраку возможность ворваться в безмятежную семью и перевернуть там все вверх дном, пообещав членам семьи в самое ближайшее время похороны, разорение, бесчестие или иное непоправимое зло, о котором любой здравомыслящий человек не желал бы узнать раньше, чем оно свершится, — и наш дух примется за дело, сочетая чувство долга с большим личным удовольствием.

Он бы никогда не простил себе, если б с кем-нибудь из его потомков приключилась беда, а он за несколько месяцев до того не покачался бы ночью на спинке кровати будущей жертвы или не выкинул бы какую-нибудь чертовщину на лужайке перед домом.

В любое время года появляются также очень молодые или очень совестливые духи, знающие кое-что о потерянном завещании или о нерасшифрованном письме; если эта тайна тяготит их, они будут бродить и бродить без конца. Есть еще разновидность щепетильных духов, — например, дух чудака, возмущенного тем, что его похоронили на мусорной свалке или в деревенском пруду. Такой субъект способен будоражить по ночам весь приход, пока кто-нибудь не устроит ему новые похороны, на этот раз по первому разряду.

Но все это исключения. Как я уже сказал, обычный благопристойный дух показывается раз в год в сочельник и вполне удовлетворяется этим.

Почему из всех ночей в году привидения избрали именно сочельник, я никак не могу понять. Обычно эта ночь — одна из самых неприятных для прогулок, — холодная, ветреная и сырая.

Под Рождество у каждого и без того достаточно хлопот с живыми родственниками, которых набирается полон дом, а тут еще втираются призраки покойных.

Наверное, в самом воздухе Рождества, в его спертой, душной атмосфере есть нечто призрачное, нечто, вызывающее на свет духов, подобно тому, как летние дожди привлекают на поверхность земли лягушек и улиток.

И не только сами духи постоянно напоминают о себе в сочельник, но и живые люди в канун Рождества всегда сидят и рассуждают о них. Сто́ит только пяти или шести лицам, говорящим на родном для них английском языке, собраться в предрождественскую ночь у камина, как они непременно начинают рассказывать друг другу разные истории о призраках. Ничто нас так не привлекает в сочельник, как правдивые рассказы друзей о привидениях. В этот веселый семейный праздник мы любим рассуждать о могилах, мертвецах, убийствах и пролитой крови.

Опыт показывает, что во встречах самых разных людей с призраками очень много общего, но это не наша вина, — это вина духов, которые никогда не ставят новых спектаклей, а придерживаются старого, проверенного шаблона.

И поэтому, если вы однажды в сочельник побывали в гостях и слышали рассказы шести лиц об их приключениях с привидениями, дальнейшие истории ничего нового вам уже не дадут. Это все равно что присутствовать на представлении двух бытовых комедий подряд или читать один за другим два юмористических журнала. От повторения вы испытываете лишь невыносимую скуку.

Вы всегда услышите о молодом человеке, который приехал на рождественские праздники погостить в усадьбу к своим знакомым. В сочельник ему отводят комнату в западном крыле дома. Глубокой ночью дверь его комнаты тихонько открывается и появляется кто-то, чаще всего молодая дама в ночном одеянии. Она не торопясь входит и садится прямо на постель. Хотя молодой человек никогда раньше ее не видел, он полагает, что это родственница хозяев или гостья, которая не могла заснуть, почувствовав себя одинокой, и зашла к нему немножко поболтать и рассеяться. У него не возникает даже мысли, что это привидение, он слишком простодушен. Она не произносит ни слова, а когда он всматривается пристальней — ее уже нет.

На следующее утро молодой человек рассказывает о ней за завтраком и спрашивает каждую из дам, не она ли была его посетительницей. Но все они уверяют, что он ошибся. Смертельно бледный хозяин дома просит его не говорить больше на эту тему, что крайне удивляет молодого гостя.

После завтрака хозяин отводит его в сторону и объясняет, что к нему являлся призрак дамы, которую зарезали на той самой кровати, где он спал, или которая на этой кровати зарезала кого-то другого, — это, впрочем, значения не имеет. Вы можете стать духом, либо собственноручно прикончив кого-нибудь, либо став жертвой кровавого преступления, — как вам больше нравится. Призрак-убийца как будто более популярен, но, с другой стороны, вы сумеете с бóльшим эффектом пугать людей, если вы призрак убитого, ибо тогда вы можете показывать свои раны и издавать жалобные стоны.

Следует упомянуть еще о скептическом госте. Кстати, главным действующим лицом этих историй всегда является гость. Фамильное привидение мало интересуется членами своей семьи, зато оно очень любит посещать гостя, — например, такого, который, выслушав рассказ хозяина об имеющихся в доме привидениях, смеется, говорит, что нисколько не верит в существование духов и берется в ту же ночь лечь спать в посещаемой призраками комнате, если его туда отведут.

Все общество умоляет его не быть таким безрассудным, но он, как всякий дурак, упорствует и отправляется в желтую комнату (или комнату другого цвета, в зависимости от обстоятельств) с легким сердцем и зажженной свечкой, желает всем спокойной ночи и запирает за собой дверь.

На следующее утро его волосы белы как снег.

Он никому ничего не говорит о том, что ему довелось увидеть. Это чересчур страшно.

Встречается также дерзкий гость, который, увидев таинственного пришельца, сразу понимает, что это — привидение. Он наблюдает за тем, как оно появляется и исчезает за деревянной панелью, после чего преспокойно засыпает, поскольку привидение, по-видимому, не склонно вернуться, и, следовательно, нет смысла мучить себя бессонницей.

Он никому не рассказывает о встрече с духом, опасаясь напугать остальных гостей: некоторым людям привидения очень действуют на нервы. Он решает проверить, не появится ли призрак в следующую ночь.

И когда привидение действительно появляется, он встает с постели, одевается, причесывается, следует за ним и делает открытие, — оказывается, между комнатой, где он

спал, и пивным погребом существует потайной ход, которым, очевидно, нередко пользовались в проклятые старые времена.

Следующий популярный персонаж в эпосе о привидениях — молодой человек, просыпающийся глубокой ночью, как от толчка, с каким-то странным ощущением. Он видит у самого изголовья своего богатого дядюшку, убежденного холостяка. Дядюшка улыбается жалостной улыбкой и растворяется в воздухе. Молодой человек встает и смотрит на часы. Оказывается, часы остановились на половине пятого, он накануне забыл их завести.

На другой день он наводит справки и узнает, что, как ни странно, богатый дядя, чьим единственным племянником, а значит и наследником, он до сих пор был, женился на вдове с одиннадцатью детьми ровно без четверти двенадцать два дня тому назад.

Молодой человек не делает попыток объяснить необычайное происшествие, он только уверяет, что все это — чистейшая правда.

А вот еще случай в несколько другом роде. Поздно вечером возвращаясь домой после обеда у франкмасонов, некий джентльмен видит, что в полуразрушенном аббатстве, мимо которого лежит его путь, что-то светится. Он подкрадывается к двери, заглядывает в замочную скважину и видит, что призрак «серой монашки» целуется с призраком «коричневого монаха».

Это зрелище его так шокирует и пугает, что он, не сходя с места, теряет сознание и лежит всю ночь напролет, прислонившись к двери аббатства, онемевший и окоченевший, с зажатым в руке ключом от собственной парадной двери. В таком виде его обнаруживают и приводят в чувство.

Все эти события не только происходят в сочельник, но и рассказываются в сочельник. В другие вечера всякие беседы о духах не укладываются в традиции английского общества на нынешней стадии его развития.

Вот почему, представляя вашему вниманию печальные, но подлинные истории о встречах с привидениями, излишне сообщать людям, изучающим англосаксонскую литературу, что все это происходило и рассказывалось в сочельник.

Тем не менее я это делаю.

Как рассказывались эти истории

Был сочельник. Мы были в гостях у моего дяди Джона в его доме на Лэбурнум-гров, 4.

Что-то слишком часто в моей повести повторяется слово «сочельник». Я сам это замечаю, и это начинает надоедать даже мне. Но пока я не вижу, как этого избежать. Итак, был сочельник. Мы сидели в тускло освещенной гостиной (рабочие газовой компании как раз объявили забастовку), и огонь в камине, то вспыхивавший, то снова угасавший, бросал причудливые тени на яркие обои, а снаружи, на пустынной улице, хозяйничал безжалостный ураган, и ветер, как неумиротворенный призрак, с громкими стенаниями носился по площади и, рыдая и причитая, кружился вокруг молочной лавки.

Мы поужинали и сидели полукругом у камина, курили и беседовали.

Ужин у нас был отменный, — можно смело сказать, что поужинали мы на славу. Впоследствии в связи с этими рождественскими праздниками у нас произошли семейные неурядицы. Поползли слухи о том, как мы встречали Рождество, причем говорили главным образом о моей роли на этом вечере. И тут имели место такие замечания, которые нельзя сказать, чтобы удивили меня, — я знаю свою родню не первый день, — но были мне просто неприятны. Что же касается тети Марии, я даже не берусь сказать, когда я снова захочу с ней встретиться. Я считал и считаю, что тетя Мария и без того достаточно хорошо меня знает.

Но хотя ко мне отнеслись несправедливо, — жестоко и несправедливо, как я позднее вам докажу, — это не повлияет на справедливость моего отношения к другим, в том числе к тем, кто позволил себе столь оскорбительные измышления по моему адресу.

Я отдаю должное кулинарным изделиям тети Марии, ее горячему пирогу с телятиной, омарам с гренками, подогретым ватрушкам, сделанным по ее особому рецепту (в холодных ватрушках, по-моему, нет той прелести, они куда менее ароматны). Когда эти ватрушки омываются заветным старым элем моего дядюшки Джона, как не признать их отменно вкусными! Я отдал дань тому и другому тогда же, без промедления, — сама тетя Мария должна была это подтвердить.

После ужина мой дядя сварил пунш с виски. Пуншу я тоже отдал дань, сам дядя Джон признал это. Ему приятно видеть, сказал он, что мне нравится его изделие.

Тетушка вскоре после ужина пошла спать, оставив с дядей Джоном целую компанию — приходского священника, старого доктора Скробблзса, мистера Сэмюэля Кумбеса, Тедди Биффлса и меня. Мы были единодушны в том, что идти спать еще рано, так что дядя сварил еще одну чашу пунша, и мне кажется, что все мы воздали ей по справедливости, — по крайней мере, знаю, что я наверняка воздал. Это моя страсть — я имею в виду стремление к справедливости.

Мы посидели еще у камина, и тогда доктор для разнообразия сварил пунш с джином, хотя лично я не почувствовал большой разницы. Но, как говорится, все к лучшему, и мы были счастливы и весьма любезны друг с другом.

Весь вечер дядя Джон рассказывал нам очень забавную историю. Да, это была действительно презабавная история! Сейчас я уже забыл, о ком и о чем там говорилось, но помню, что тогда она доставила мне много удовольствия — кажется, еще никогда в жизни я так не смеялся. Очень странно, что я не могу припомнить эту историю, хотя он рассказывал ее нам четыре раза. И мы сами виноваты, что он не успел рассказать ее в пятый раз. Потом доктор спел очень остроумную песню, в которой изображал разных домашних животных. Он немножко путал их голоса. Он ржал, подражая петуху, и кукарекал, когда надо было хрюкать. Но мы все равно понимали, кого он представляет.

Я начал было рассказывать весьма занимательный анекдот, но меня несколько озадачило, что, судя по моим наблюдениям, никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Это было довольно-таки невежливо со стороны всех остальных, но вскоре я догадался, что я все время говорил мысленно, сам с собой, вместо того чтобы говорить вслух, и, конечно, никто не подозревал, что я что-то рассказываю. Все они, возможно, удивлялись моей красноречивой мимике и оживленному выражению лица. Любопытнейшее заблуждение! Со мной никогда еще не приключалось такой штуки.

Затем наш приходский священник стал показывать карточные фокусы. Он спросил нас, знаем ли мы игру под названием «Три листика». Он сказал, что с помощью этой проделки подлые, бессовестные личности, завсегдатаи скачек и им подобные субъекты, обжуливают легковерных молодых людей, оставляя их без гроша. Он сказал, что это очень простой фокус — все зависит от ловкости рук. Рука действует так быстро, что глаз не успевает уследить.

Он решил показать нам, как проделывается это жульничество, чтобы мы были предупреждены и не стали жертвой какого-нибудь проходимца. Он взял дядину колоду карт из чайницы, выбрал три карты, одну фигурную и две фоски[2], сел на коврик перед камином и стал объяснять, чтó он собирается делать. Он сказал:

— Я беру в руки эти три карты — вот так — и показываю их вам. А затем я спокойненько кладу их рядышком на ковер, лицом вниз, и предлагаю вам указать фигурную карту. И вы будете уверены, что знаете, где она лежит.

И он все это проделал.

Старый мистер Кумбес, один из наших приходских старост, сказал, что фигурная карта находится посередине.

— Это только показалось вам, — сказал священник с улыбкой.

— Вовсе не показалось, — возразил мистер Кумбес. — Я вам говорю, что она посередине. Ставлю полкроны, что это средняя карта.

— Вот вы и попались! Это как раз то, о чем я вас предупреждал, — сказал наш священник, обращаясь ко всем нам. — Вот именно таким путем и заманивают наивных молодых людей, о которых я вам рассказывал, и вытаскивают деньги из их карманов. Они уверены, что угадают карту, им кажется, что они ее видели. Они не отдают себе отчета в том, что ловкое движение рук опережает самый острый глаз, и на этом-то они и попадаются.

Он сказал, что знавал молодых людей, отправлявшихся с утра на лодочные гонки или соревнования по крикету с хорошим запасом фунтов стерлингов в кармане. Уже через несколько часов они возвращались домой без гроша, потеряв все благодаря этой ужасной, скверной игре.

Он сказал, что, пожалуй, возьмет полкроны мистера Кумбеса, — это послужит для него полезным уроком и, может быть, спасет его деньги в будущем. Да, он возьмет эти два с половиной шиллинга и внесет их в фонд по обеспечению неимущих одеялами.

— Пусть моя судьба вас не волнует, — ответил ему старый мистер Кумбес. — Только смотрите, как бы вам самим не пришлось позаимствовать два с половиной шиллинга из одеяльного фонда!

И он положил свои деньги рядом со средней картой и перевернул ее.

Что́ бы вы думали, — это действительно была дама червей!

Мы все были очень поражены, особенно сам священник.

Он сказал, что, впрочем, действительно так иногда бывает: человек может поставить на правильную карту, но лишь по чистой случайности.

А еще он сказал, что это самое большое несчастье, какое только может произойти с человеком (ах, если бы люди понимали это!). Ведь если человек попытался играть и выиграл, он приобретает вкус к этому так называемому развлечению, его манит рискнуть еще и еще раз, пока он не выходит из игры обобранным и разоренным.

Затем он метнул карты снова. Мистер Кумбес сказал, что на этот раз дама червей лежит рядом с угольным ведром, и пожелал поставить на карту пять шиллингов.

Мы стали смеяться над ним, пробовали отговорить его. Он не желал слушать наших увещаний и настаивал на своем праве катиться по наклонной плоскости.

Наш священник сказал, что в таком случае — хорошо! Он предупреждал — и умывает руки. Если он (мистер Кумбес) твердо решил быть дураком до конца, пусть он (мистер Кумбес) так и поступает.

Священник сказал, что со спокойной совестью возьмет эти пять шиллингов и тем самым покроет образовавшуюся недостачу в фонде на покупку одеял.

Итак, мистер Кумбес положил две монеты по полкроны около карты, лежавшей рядом с угольным ведром, и перевернул ее.

И что́ бы вы думали, — она снова оказалась дамой червей!

После этого дядя Джон поставил целый флорин[3] и тоже выиграл.

И затем мы все стали играть, и все выиграли. Все, за исключением священника, разумеется. Он провел очень плохо эти четверть часа. Я никогда еще не видел, чтобы кому-нибудь так не везло в карты. Он ни разу не выиграл.

Потом мы выпили еще немного пунша, причем, приготовляя его, дядя сделал очень забавную ошибку: он забыл налить туда виски. Ах, как мы потешались над ним! В виде штрафа мы заставили его влить в пунш двойную порцию виски.

Да, в тот вечер мы основательно повеселились.

А затем каким-то образом мы перескочили на разговоры о привидениях. Потому что следующее, что я припоминаю, это то, как мы рассказывали друг другу всевозможные истории с привидениями.

Рассказ Тедди Биффлса

Первым начал Тедди Биффлс. Я изложу его историю в точности так, как он нам ее рассказал.

(Но не спрашивайте, как мне удалось сохранить каждое слово, — стенографировал ли я его речь или получил от него готовую для опубликования рукопись — я вам все равно не скажу. Это производственная тайна.)

Биффлс назвал свою историю

ДЖОНСОН И ЭМИЛИЯ,
ИЛИ ПРЕДАННЫЙ ДУХ

Когда я впервые встретился с Джонсоном, я был еще подростком. В ту пору я вернулся домой на рождественские каникулы, и по случаю сочельника мне разрешили лечь спать довольно поздно. Открывая дверь в свою маленькую комнатку, я очутился лицом к лицу с Джонсоном, который выходил оттуда. Он проструился сквозь меня и, издав долгий и жалобный стон, исчез через лестничное окно.

На мгновение я опешил, — я ведь был в то время школьником и еще ни разу не видел призраков. Я заколебался — ложиться спать в этой комнате или нет. Но потом вспомнил, что привидения опасны только грешникам, а потому лег, хорошенько закутался и заснул.

Наутро я сказал отцу, что видел в своей комнате привидение.

— Да, это старина Джонсон, — ответил отец. — Можешь его не бояться, он тут живет.

И он рассказал мне историю этого страдальца. Оказывается, Джонсон при жизни, еще в ранней молодости, полюбил дочку прежнего арендатора нашего дома. Это была девушка изумительной красоты. Звали ее Эмилия, но ее фамилию отец не помнил.

Джонсон был слишком беден, чтобы жениться на ней. Он нежно поцеловал ее на прощанье, обещал скоро вернуться и отправился в Австралию сколачивать состояние.

Но тогда Австралия еще не была тем, чем стала впоследствии. Путешественников в те отдаленные времена было мало, попадались они редко, и если удавалось изловить кого-нибудь на большой дороге, то имущество, обнаруженное на его трупе, часто не оправдывало расходов на самые скромные похороны. Поэтому Джонсону понадобилось почти двадцать лет, чтобы разбогатеть.

Выполнив тем не менее поставленную перед собой задачу и успешно избежав встреч с полицией, он благополучно выбрался из Австралии и вернулся в Англию, полный радостных надежд, предвкушая свидание со своей невестой.

Он добрался до ее дома, но нашел его заброшенным и погруженным в тишину. Соседи ничего не могли сообщить, кроме того, что в одну туманную ночь вся семья Эмилии таинственно исчезла и никто с тех пор их не встречал и ничего о них не слышал, хотя и владелец дома, и местные торговцы не раз пытались наводить о них справки.

Бедный Джонсон, вне себя от горя, стал искать возлюбленную по всему свету. Но он не нашел ее и после многих лет бесплодных поисков возвратился коротать одинокую старость в

том самом доме, где он и Эмилия в счастливом прошлом провели столько безмятежных вечеров.

Он жил здесь совсем один, бродил по пустым комнатам, плакал и звал свою Эмилию, умоляя ее вернуться. И когда бедняга скончался, дух его продолжал делать то же самое.

Как раз в то время, рассказывал отец, мы и взяли дом в аренду, и агент, оформляя договор, сбросил из-за привидения десять фунтов арендной платы в год.

После этого я, как и все домашние, на каждом шагу встречал Джонсона в любое время ночи. Сначала мы чурались его, сторонились, давая ему дорогу, но потом, когда свыклись и убедились, что нет никакой нужды в церемониях, мы стали попросту проходить сквозь него. Нельзя сказать, чтобы он нам очень мешал.

В общем, он был любезным и безобидным старым привидением, и все мы сочувствовали ему. В особенности умилялись женщины: их трогала его загробная преданность. Но с течением времени привидение стало немного докучать нам. Оно, видите ли, было уж чересчур печальным. В нем не было ничего приветливого, отрадного. Вам было его жаль, но вместе с тем оно вас раздражало. Оно было способно, например, часами сидеть на ступеньках и лить слезы, беспрерывно всхлипывая. Стоило только проснуться ночью, и вы слышали доносившиеся откуда-нибудь вздохи и стоны, доказывавшие, что оно слоняется по комнатам и коридорам. Легко ли заснуть в таких условиях! А когда у нас собирались гости, оно имело обыкновение усаживаться за дверью той самой комнаты, где мы веселились, и без умолку рыдать и причитать. Вреда оно нам не причиняло, но тень его скорби омрачала нашу жизнь.

— Мне здорово опротивел этот старый идиот, — сказал однажды вечером мой отец (глава нашей семьи иногда выражался довольно резко, особенно если вывести его из себя). Накануне Джонсон был надоедливее, чем обычно, и испортил ему приятную партию в вист, сидя в каминной трубе и охая так громко, что все партнеры стали забывать, какая масть козырная и какие карты вышли из игры. — Нам надо избавиться от него так или иначе. Хотел бы я знать, как это сделать.

— Ну, — сказала моя мама, — можешь мне поверить, он не оставит наш дом, пока не найдет могилу своей Эмилии. Это ее он ищет. Найди могилу Эмилии, приведи его туда, и ты увидишь, он будет чувствовать себя там как дома. Помяни мое слово.

Эта мысль показалась нам здравой, но затруднение заключалось в том, что все мы были в таком же неведении о местонахождении могилы Эмилии, как и сам бывший мистер Джонсон. Отец уже склонялся к тому, чтобы подсунуть бедному созданию могилу какой-нибудь другой Эмилии, но судьбе не прикажешь: выяснилось, что на много миль вокруг не похоронена ни одна Эмилия. Никогда еще я не видел местности, до такой степени лишенной усопших Эмилий.

Тут я стал думать, как быть, и выпалил такое предложение:

— Нельзя ли состряпать для старого хрыча что-нибудь похожее на могилу? Он, кажется, простодушное существо, этот Джонсон, его нетрудно будет околпачить. Мы ничего не потеряем, если сделаем попытку.

— Клянусь Юпитером, так мы и сделаем! — воскликнул мой отец, и уже на следующее утро он позвал рабочих, которые сделали в глубине фруктового сада холмик с надгробным камнем, украшенным следующей надписью:

Светлой памяти Эмилии.
Ее последние слова были:
«Скажите Джонсону, что я его люблю».

— Это наверняка проберет его, — задумчиво проговорил мой отец, обозревая сие произведение искусства в законченном виде. — Во всяком случае, я надеюсь, что так оно и будет.

Успех был полный.

Мы заманили его в сад в ту же ночь, и тут, друзья, произошла невообразимо трогательная сцена. Надо было видеть, как Джонсон бросился к надгробному камню и зарыдал. Глядя на него, отец и старший садовник Скиббинс плакали, как дети.

Джонсон больше никогда не попадался нам в комнатах. Теперь он проводит каждую ночь на могиле, проливает там слезы и, по-видимому, вполне счастлив.

Можно ли его видеть? О да, приезжайте к нам, и я поведу вас туда и покажу его. Обычно его можно застать от десяти вечера до четырех часов ночи, ну а по субботам — с десяти до двух.

История, рассказанная доктором

Молодой Биффлс вложил много чувства в свой рассказ, и я горько плакал, слушая его. Мы все призадумались, и я заметил, что даже старый доктор украдкой вытирал слезу. Не смущаясь этим, дядя Джон сварил еще одну чашу пунша, и постепенно наша скорбь рассеялась.

Спустя некоторое время доктор почти совсем развеселился и рассказал нам о призраке одного из своих пациентов.

При всем желании я не могу передать вам его истории целиком. Все потом признали, что это был лучший из рассказов, самый мрачный и страшный, но я толком его не понял, — он был какой-то сбивчивый.

Начал доктор хорошо, потом что-то там произошло, и вдруг наступил конец. Не могу понять, что случилось с серединой его рассказа.

В самом конце — вот это я хорошо помню — кто-то что-то нашел, и это напомнило мистеру Кумбесу очень любопытный случай, который произошел однажды на старой мельнице, некогда находившейся в аренде у его шурина.

Мистер Кумбес сказал, что сейчас расскажет эту историю, и прежде чем кто-нибудь успел его остановить, он уже начал.

Он сказал, что его история называется:

ЗАГАДОЧНАЯ МЕЛЬНИЦА,
ИЛИ РАЗВАЛИНЫ СЧАСТЬЯ

— Надеюсь, все вы знаете моего шурина, мистера Перкинса, — начал мистер Кумбес, вынимая изо рта свою длинную глиняную трубку и укладывая ее за ухо (мы не были знакомы с его шурином, но не стали спорить, чтобы не терять времени), — и знаете, конечно, также, что он однажды взял в Суррее в аренду мельницу и перебрался туда на жительство.

Эта самая мельница много лет тому назад принадлежала какому-то зловредному старикашке, известному скряге, который там и умер, спрятав, по слухам, все свои деньги в одном из укромных уголков мельницы. Вполне естественно, что каждый, кто после него жил на мельнице, пытался добраться до этого клада, но безуспешно. Местные всезнайки говорили, что никто и не найдет скрытых сокровищ, пока дух скупого мельника не проникнется симпатией к одному из новых арендаторов и не откроет ему свою тайну.

Мой шурин не придавал особого значения этим разговорам, считая их болтовней досужих старух, и, в противоположность своим предшественникам, не делал никаких попыток обнаружить скрытые богатства.

— Если раньше дела шли так же, как теперь, — говорил мой шурин, — мне непонятно, каким образом мельник, будь он последним скрягой, мог что-нибудь накопить; во всяком случае, столько, чтобы ради этого стоило затевать поиски.

Но все-таки он не мог совсем выбросить из головы мысль об этом кладе.

Однажды вечером он пошел спать. Ничего необыкновенного тут нет, это ясно. Он частенько ложился с вечера пораньше. Удивительно другое: как только на церковной колокольне пробило двенадцать часов, мой шурин проснулся, словно от толчка, и почувствовал, что заснуть больше не может.

Джо (так его зовут) приподнялся и сел на постели. Он посмотрел вокруг и увидел, что в ногах кровати притаилось нечто, укрытое густым сумраком.

Потом оно передвинулось в полосу лунного света, и мой шурин увидал сморщенного старикашку в коротких лосинах и с волосами, заплетенными в косичку.

Мгновенно в мозгу Джо вспыхнуло воспоминание о спрятанном золоте и старом скряге.

«Он пришел показать мне, где зарыт клад», — подумал мой шурин; он тут же решил, что не истратит все деньги только на себя, а уделит и другим маленькую частицу.

Призрак двинулся к двери. Мой шурин надел брюки и последовал за ним. Дух спустился вниз, в кухню, скользнул к плите, повздыхал и исчез.

Утром Джо позвал двух печников. Они сняли трубы и разобрали плиту, между тем как он стоял рядом, с мешком из-под картошки наготове, чтобы складывать туда золото.

Вместе с плитой они разрушили половину стены, но не нашли даже медной монеты. Мой шурин не знал, что и подумать.

На следующую ночь старичок появился снова, и снова повел Джо за собой на кухню. Но на этот раз он не пошел к плите, он остановился посреди кухни и стал вздыхать.

«О, теперь мне понятно, чего он хочет, — сказал самому себе мой шурин, — клад у него под кухонным полом. Зачем же этот старый идиот в прошлый раз торчал у плиты и делал вид, что надо искать в трубе?»

Весь следующий день они взламывали пол в кухне, но единственное, что им удалось найти, это трехзубую вилку, да и то со сломанной ручкой.

На третью ночь дух явился как ни в чем не бывало, и в третий раз направился в кухню. Придя туда, он многозначительно посмотрел на потолок и исчез.

— Э, да он и на том свете, кажется, ума не набрался, — бормотал Джо, торопливо возвращаясь к себе в постель. — По-моему, он мог бы сразу показать настоящее место.

Все же сомнений не было, и чтобы достать клад сверху, они сразу после завтрака принялись разбирать потолок. Когда от потолка не осталось ни дюйма, стали снимать пол верхней комнаты.

Там они нашли приблизительно столько же сокровищ, сколько их можно найти в пустой литровой банке.

На четвертую ночь, когда привидение явилось с обычным визитом, мой шурин вышел из себя и швырнул в него сапогом. Сапог прошел сквозь призрак и разбил висевшее на стене зеркало.

На пятую ночь, когда Джо, по установившейся у него привычке, проснулся ровно в полночь, дух стоял возле него в удрученной позе и с самым жалобным выражением лица. Умоляющий взгляд его больших печальных глаз совершенно расстроил моего шурина.

«Кто его знает, — подумал он, — может, этот пустоголовый субъект искренне хочет открыть свою тайну. Может быть, он просто забыл, куда засунул свое богатство, и теперь старается вспомнить. Послушаю его еще разочек».

Увидя, что Джо собирается следовать за ним, дух благодарно заулыбался и повел его на чердак, а там поднял палец вверх и мгновенно растаял.

— Ну, на этот раз он попал в точку, надеюсь, — сказал мой шурин, и наутро они взялись стаскивать с мельницы крышу.

Понадобилось целых три дня, чтобы добросовестно снять всю крышу, но единственное, что при этом нашли, было птичье гнездо, после чего пришлось покрыть мельницу просмоленным брезентом, чтобы укрыться от дождя.

Вы, может быть, подумаете, что это вылечило беднягу Джо от поисков клада? Ошибаетесь!

Он сказал, что за всем этим должно скрываться нечто реальное, иначе привидение перестало бы появляться. Кроме того, зайдя уже так далеко, он решил идти до конца и разгадать загадку, чего бы это ему ни стоило.

И вот каждую ночь он вставал с постели и послушно брел за бесплотным старым обманщиком по всему двору. Каждую ночь старикашка указывал ему другую точку, и на следующий день мой шурин приступал к сломке указанного места, где, очевидно, был замурован клад. К концу третьей недели на мельнице не осталось ни одной комнаты, пригодной для жилья. Все стены были снесены, все полы вынуты, в каждом потолке зияла дыра.

А затем, так же внезапно, как и появился, дух прекратил свои посещения, и моему шурину ничто уж больше не мешало заняться в свободное время восстановительными работами.

Что заставило эту старую образину так нелепо подшутить над семейным человеком и честным налогоплательщиком? Ах, именно на этот вопрос я не могу вам ответить.

Некоторые утверждали, что дух коварного старика проделал все это в отместку за то, что мой шурин сначала в него не поверил. А другие считали, что призрак был при жизни вовсе не мельником, а водопроводчиком или стекольщиком, и ему приятно было видеть, как мельницу портят и разрушают. Но толком никто ничего не знал.

История, рассказанная священником

Мы выпили еще немного пунша, а затем священник рассказал нам свою историю. Я никак не мог разобраться в ней и потому не могу ее пересказать. Никто из нас не мог в ней разобраться. С точки зрения содержания это была довольно занимательная история. Сюжетов в ней было необыкновенное множество, а событий хватило бы на дюжину романов. Никогда еще я не слыхал рассказа, где было бы столько разных происшествий, случившихся с таким количеством разнообразных персонажей.

Мне представляется, что каждый человек, которого наш священник когда-либо и где-либо видел или о котором слышал, — попал в этот рассказ. В нем были сотни персонажей. Каждые пять секунд он вводил в нить рассказа новую коллекцию действующих лиц на фоне совершенно новых событий.

Рассказ развивался примерно так:

— И тогда мой дядя побежал в сад и взял там свое ружье, но привидения там, конечно, не было, и Скроггинс сказал, что он в него не верит.

— Не верит в кого именно? И кто такой Скроггинс?

— Скроггинс! Ах, вы не знаете? Это тот, другой, — понимаете, это его жена…

— Какая жена? Откуда она взялась и что ей нужно?

— Так вот об этом я вам и рассказываю. Это она нашла шляпу. Она приехала в Лондон со своей двоюродной сестрой, которая является моей невесткой, а другая племянница вышла замуж за человека по фамилии Эванс, а когда все кончилось, Эванс понес коробку к мистеру Джекобсу, потому что отец Джекобса видел этого молодого человека живым, а когда он умер, Джозеф…

— Подождите, оставьте в покое Эванса с его коробкой; что случилось с вашим дядей и ружьем?

— Ружьем! Каким ружьем?

— Ну, ружьем, которое ваш дядя держал в саду и которого там не оказалось. Что он сделал с этим ружьем? Может быть, он застрелил из него кого-нибудь из этих Джекобсов и Эвансов, Строггинсов и Джозефов? Если так, то это благое дело, и мы с восторгом послушаем о нем.

— О нет, что вы, это было бы невозможно, его ведь заживо замуровали в стену, вы же помните, а когда Эдуард IV[4] говорил об этом с аббатом, моя сестра сказала, что, принимая во внимание состояние ее здоровья, это невозможно, потому что может пострадать ребенок. И вот они назвали его Горацио, по имени ее собственного сына, который был убит при Ватерлоо[5] еще до своего рождения, и лорд Напир[6] сам сказал, что…

— Скажите, а вы сами имеете представление, о чем вы рассказываете? — спросили мы его тут.

Он сказал «нет», но поручился, что каждое его слово — чистейшая правда, потому что его родная тетка все это видела собственными глазами.

После этого мы его с головой накрыли скатертью, и он заснул.

Затем стал рассказывать мой дядя.

Он предупредил, что его история — самая правдивая из всех.

ПРИЗРАК ГОЛУБОЙ СПАЛЬНИ

— Я вовсе не хочу нагонять на вас страх, мальчики, — начал мой дядя чрезвычайно многозначительным, чтобы не сказать зловещим, тоном, — и если вы предпочитаете оставаться в неведении, я вам не скажу ничего, но если говорить начистоту, этот самый дом, где мы с вами сейчас находимся, тоже населен привидениями.

— Что вы говорите! — воскликнул мистер Кумбес.

— Говорю то, что вы слышите, а если не слышите, то нечего просить меня говорить, — ответил мой дядя с некоторым раздражением. — Что за привычка болтать глупости! Говорю вам, что в этом доме нечисто. В голубой спальне (комнату рядом со спальней в доме моего дяди принято называть голубой, потому что там умывальные принадлежности этого цвета) каждый сочельник появляется дух ужасного грешника, который когда-то под Рождество убил уличного певца кусочком каменного угля.

— Как ему удалось? — спросил мистер Кумбес с живейшим интересом. — Это, наверное, не так просто?

— Не могу вам сказать, как именно он это сделал, — ответил мой дядя. — Он не объяснял нам самой техники. Полагают, что певец остановился как раз перед его домом и начал петь какую-то балладу, и когда он открыл рот, чтобы взять верхнее си-бемоль, этот злодей швырнул из окна куском угля, который попал певцу в рот, застрял в горле и задушил его.

— Для такого дела нужно метко бросать, интересно как-нибудь попробовать свои силы, — задумчиво пробормотал мистер Кумбес.

— Увы, это было не единственным его преступлением, — прибавил мой дядя. — Еще раньше он отправил на тот свет одного оркестранта, игравшего соло на корнет-а-пистоне.

— Скажите пожалуйста! — воскликнул мистер Кумбес. — Неужели и это факт?

— Конечно, факт, — сердито отрезал мой дядя. — По крайней мере, этот факт не менее достоверен, чем все подобные ему. Просто вы сегодня слишком придирчивы. Говорю вам, обстоятельства дела не оставляли никакого сомнения. Бедный корнетист жил в этом районе что-то около месяца, и, по отзывам старого мистера Бишопа, тогдашнего владельца «Веселых Песочников», был самым старательным и работящим корнетистом, какого тот когда-либо встречал. Он мне сам рассказывал его историю и утверждал, что этот музыкант знал только две мелодии, но даже если бы он знал сорок, то не мог бы играть ни с большей силой, ни большее количество часов в день. Две пьесы, которые он исполнял, были «Анни Лори» и «Милый дом, родной мой дом», а что касается его искусства, то, по словам мистера Бишопа, даже ребенок разобрался бы в том, какое из двух произведений он играет.

Этот музыкант, бедный и одинокий служитель муз, каждый вечер играл два часа на улице прямо против нашего дома. И однажды вечером многие видели, как корнетист, получив, по-видимому, приглашение, зашел в дом, но никто не видел, что он оттуда вышел.

— А соседи не предлагали вознаграждение тому, кто его найдет? — спросил мистер Кумбес.

— Никто не предложил и полпенса, — ответил мой дядя. — А на следующее лето, — продолжал он, — к нам приехал духовой оркестр, собиравшийся — так они сообщили нам в день приезда — пробыть у нас до осени. На другой день музыканты в полном составе — все здоровые, веселые ребята — были приглашены на обед к этому закоренелому грешнику. И после этого, пролежав целые сутки в постели, вся компания оставила наш город в самом жалком состоянии. Врач нашего прихода, оказывавший им помощь, заявил, что весьма сомнительно, сможет ли кто-нибудь из них впредь сыграть хоть одну арию.

— А вам не известно, чем он их угощал? — спросил мистер Кумбес.

— К несчастью, нет, — ответил мой дядя, — но главным блюдом, говорят, был свиной паштет, купленный в станционном буфете.

— Я уже забыл об остальных преступлениях этого чудовища, — продолжал мой дядя. — Раньше я все их помнил, но память у меня теперь не та, что раньше. Впрочем, вероятно, я не погрешу против истины, если выскажу предположение, что он несколько причастен к последующим похоронам одного джентльмена, который музицировал, перебирая струны арфы пальцами ног, и что он также несет некоторую ответственность за одинокую могилу молодого безвестного чужестранца родом из Италии, как-то посетившего наши места и игравшего на шарманке.

— И вот теперь каждый сочельник, — заключил мой дядя, как бы рассекая своим густым, мрачным голосом напряженное мучительное молчание, прокравшееся, точно тень, в комнату и овладевшее всеми нами, — дух этого ужасного грешника появляется в голубой спальне нашего дома. Там, от полуночи и до первых петухов, раздаются дикие вопли и стоны, насмешливый хохот, а временами призрачные звуки ударов. Там он ведет свою ожесточенную призрачную битву с привидениями корнетиста и певца, иногда поддерживаемыми тенями оркестрантов, в то время как дух задушенного арфиста исполняет безумные замогильные мелодии призрачными ногами на призраке сломанной арфы.

Дядя прибавил, что в сочельник голубая спальня не может быть использована по назначению, — спать там никак нельзя.

— Т-с-с! — прошептал дядя, поднимая, в знак предостережения, руку к потолку.

Мы, затаив дыхание, прислушались.

— Тсс! Слышите! Они сейчас как раз там, в *голубой спальне!*

Тогда я встал и сказал, что желаю провести ночь один в голубой спальне.

Но прежде чем я расскажу свою собственную историю, то есть историю того, что произошло в голубой спальне, — мне хотелось бы предложить вам небольшое предисловие, или

Мои личные комментарии

Собираясь приступить к рассказу о моих собственных приключениях с привидениями, я нахожусь в большой нерешительности. Видите ли, это совсем не такого рода история, как те, что я вам рассказывал до сих пор, — вернее, как вам рассказывали Тедди Биффлс, мистер Кумбес и мой дядя. Это истинная история. Это вовсе не то, что обычно рассказывает джентльмен, сидя в сочельник у камина и попивая пунш с большим количеством виски; это отчет о подлинных событиях.

Да, это вовсе не рассказ в общепринятом значении слова, это именно отчет. И потому, я чувствую, он почти неуместен в такой книге. Он был бы гораздо более кстати в биографическом исследовании или, скажем, в учебнике английской истории.

Есть еще одно обстоятельство, которое затрудняет мое повествование, — оно заключается в том, что речь пойдет обо мне самом. Рассказывая вам эту историю, мне придется все время говорить о себе, что среди нас, современных писателей, совершенно не принято. Если у нас, литераторов нового направления, есть какое-нибудь похвальное стремление, более постоянное, чем все остальные, так это стремление никогда не казаться самовлюбленным.

Я сам, — так меня уверяют, — довожу до крайности эту застенчивость, эту боязливую сдержанность во всем, что касается моей особы, — и читающая публика весьма этим недовольна. Люди приходят ко мне и говорят:

«Ну, послушайте, почему вы не расскажете о себе хоть немножко? Это нас интересует. Напишите что-нибудь о себе».

Но я всегда отвечал: «Нет!»

И не потому, что я считаю эту тему неинтересной. Наоборот, я даже представить себе не могу темы, более захватывающей для всего человечества или, по крайней мере, для его культурной части.

Я не пишу о себе принципиально, — потому что это противоречит истинному искусству и подает дурной пример подрастающему поколению. Другие писатели (их немало), я знаю, делают это, но я ни за что заниматься этим не буду, разве что в исключительных случаях.

При обычных обстоятельствах, следовательно, я бы умолчал об этом происшествии. Я бы сказал самому себе: «Нет! Это талантливый и поучительный рассказ, это необычайный, увлекательный и роковой рассказ, и читатели с удовольствием выслушали бы его, да и мне самому страстно хотелось бы поскорей его рассказать, но он целиком посвящен мне, моей личности, тому, что я говорил, видел и сделал, — и я не могу это описывать. Мой сдержанный характер, моя скромная натура не позволяют говорить о себе так много».

Однако, ввиду необычайности некоторых обстоятельств, я вынужден, несмотря на всю свою скромность, воспользоваться возможностью рассказать именно о том, что произошло со мной лично.

Как я уже говорил, в нашей семье из-за этой пирушки произошла размолвка, и я за свое участие в событиях, о которых собираюсь рассказать, стал жертвой жестокой несправедливости.

Чтобы возродить мою прежнюю репутацию, рассеять тучи клеветы и измышлений, которыми она была запятнана, — лучше всего, я убежден, дать читателю простое, полное достоинства повествование о неприкрашенных событиях, происшедших со мной, с тем, чтобы каждый мог самостоятельно судить обо всем.

Чистосердечно признаюсь, что главной моей целью является стремление отмести незаслуженные подозрения. Воодушевленный этим побуждением (а я считаю, что это

почтенное и дельное побуждение), я нахожу в себе силы преодолеть мое обычное отвращение к разговорам о самом себе и таким образом перехожу к той части повествования, которая называется

Моя собственная история

Я вам уже говорил, что как только мой дядя закончил свой рассказ, я встал и заявил, что решил провести предстоящую ночь в голубой спальне.

— Ни за что! — вскричал мой дядя, вскакивая с места. — Ты не должен подвергать себя столь смертельной опасности! Кроме того, там не застлана постель.

— Подумаешь, какая важность! — ответил я. — Мне приходилось жить в меблированных комнатах для молодых джентльменов, и я привык спать в постелях, которые не перестилались годами. Не отговаривайте меня. Я молод, вот уже больше месяца, как ничто не отягощает мою совесть, и духи не причинят мне вреда. Я, может быть, смогу даже оказать на них хорошее влияние, уговорю их успокоиться и разойтись по домам. И помимо всего, мне хочется поглядеть на это представление.

Высказавшись, я снова сел. (Как случилось, что мистер Кумбес очутился в моем кресле, вместо того чтобы быть в другом углу комнаты, где он сидел весь вечер? Почему он, мистер Кумбес, не извинился, когда я сел прямо на него? Почему молодой Биффлс стал изображать моего дядю Джона и требовать, чтобы я целых три минуты тряс его за руку и уверял, что всегда любил его, как родного отца? — эти события до сих пор остаются для меня загадкой.)

Вся компания пробовала отговорить меня от того, что они называли бессмысленной затеей, но я оставался непоколебим и требовал осуществления своих законных прав. Я был «рождественским гостем», а гость в сочельник спит в комнате с привидениями. Это входит в его роль.

Они сказали, что если у меня такие веские основания, то у них возражений больше нет; они зажгли для меня свечу и в полном составе пошли провожать меня наверх.

Не знаю, был ли я возбужден сознанием, что совершаю благородный поступок, или в меня вселилась сама неустрашимость, но в эту ночь я взлетел по лестнице с необычайной легкостью. Ценой колоссального напряжения воли я задержал себя на площадке верхнего этажа, мне хотелось идти все выше, хоть на крышу. Но с помощью перил я все же укротил свои честолюбивые намерения, пожелал моим спутникам доброй ночи, вошел в спальню и запер за собой дверь.

С самого начала у меня все пошло вкривь и вкось. Не успел я отойти от двери, как моя свеча вывалилась из подсвечника. Сколько раз я ни подбирал ее и ни втыкал в подсвечник, она каждый раз снова выскакивала, — такой скользкой свечки мне еще не попадалось никогда. В конце концов я решил обойтись без подсвечника и зажал свечу в руке, но и тогда она не желала держаться прямо. Тут уж я совсем рассвирепел, выбросил ее за окно, разделся и лег в постель в полном мраке.

Я не заснул, и мне вовсе не хотелось спать. Лежа на спине, я смотрел в потолок и думал о разных вещах. Хорошо, если бы я мог вспомнить хоть что-нибудь из того, что приходило мне в голову в ту ночь: все это было так забавно, что я от души хохотал, и кровать тряслась вместе со мной.

Я лежал таким образом около получаса и совсем было забыл о призраках, как вдруг, случайно оглядывая комнату, я в первый раз в жизни увидел весьма самоуверенное привидение, сидевшее в кресле у огня, с призрачным глиняным чубуком в руках.

В первую минуту я, как и большинство людей в подобных обстоятельствах, подумал, что сплю и вижу сон. Я приподнялся в постели и протер глаза. Но нет: сквозь его тело я видел спинку кресла. Это было вне всякого сомнения настоящее привидение. Оно посмотрело в мою сторону, вынуло тень трубки изо рта и приветливо кивнуло мне головой.

Самым поразительным во всем этом приключении было то, что я не чувствовал ни малейшей тревоги. Скорее наоборот, я был отчасти рад его видеть. У меня появился собеседник.

Я сказал:

— Добрый вечер. Вам не показалось, что сегодня выдался холодный денек?

Он сказал, что сам этого не заметил, но полагает, что я прав.

Несколько секунд мы молчали, а затем, желая облечь свою мысль в наиболее приятную форму, я сказал:

— Вероятно, я имею честь беседовать с духом того джентльмена, у которого произошел несчастный случай с уличным певцом?

Он улыбнулся и ответил, что с моей стороны очень любезно помнить об этом. Один певец — это пустяк, хвастать особенно нечем, но ведь с миру по нитке…

Я был потрясен его ответом, так как предполагал, что услышу вздох раскаяния. Дух же, казалось, наоборот, гордился тем, что произошло. Тут я подумал, что, если он так невозмутимо отнесся к моему намеку на певца, может быть, он не обидится, если я спрошу его и о шарманщике. Меня интересовала судьба этого бедного юноши.

— Правда ли, — спросил я, — что вы причастны к смерти того итальянского подростка, который приехал сюда с шарманкой, исполнявшей шотландские напевы?

Он страшно рассердился.

— Причастен? — вскричал он с негодованием. — Кто осмелился утверждать, что хоть чуточку помогал мне? Я сам самолично прикончил юнца! Без всякой помощи. Один справился. Пусть кто-нибудь скажет, что я лгу!

Я успокоил его и уверил, что у меня никогда не возникало сомнения в том, что он был подлинным и единственным убийцей шарманщика. Потом я спросил, что он сделал с трупом корнетиста, которого убил.

Он спросил:

— Кто именно из корнетистов вас интересует?

— Ах, так их было несколько? — осведомился я.

Он улыбнулся, слегка кашлянул и сказал, что ему не хотелось бы прослыть хвастуном, но, считая вместе с тромбонистами, их было семеро.

— Боже мой! — воскликнул я. — Так или иначе, но вы немало потрудились на своем веку; это ведь не так просто.

Он сказал, что, может быть, ему не приличествует высказываться по этому поводу, но вряд ли многие из рядовых привидений среднего сословия имеют на своем счету столько неоспоримо полезных дел.

Он сосредоточенно попыхивал своей трубкой в течение нескольких секунд, а я сидел и наблюдал за ним. Насколько я помню, я раньше никогда не видел, как привидение курит трубку, и это меня заинтересовало.

Я спросил, какой сорт табака он предпочитает, и он ответил:

— В большинстве случаев призрак кавендиша ручной резки.

Он объяснил, что призраку каждого человека достается после смерти призрак всего табака, выкуренного им при жизни.

Он сам, например, при жизни выкурил изрядное количество кавендиша, так что теперь вполне обеспечен его призраком.

Я сказал, что эти сведения мне пригодятся, и теперь я постараюсь, пока живу, выкурить как можно больше табака. Я решил приступить к этому без промедления и сказал, что за компанию закурю трубку, а он ответил:

— Правильно, дружище, закурим.

Я протянул руку к пиджаку, достал из кармана все, что полагается, и зажег трубку.

После этого мы и вовсе перешли на дружескую ногу, и он открыл мне все свои преступления.

Он рассказал, что когда-то жил по соседству с одной молодой девицей, которая училась играть на гитаре, а в доме напротив жил молодой джентльмен, увлекавшийся игрой на контрабасе. Лелея коварные и злобные планы, он познакомил ничего не подозревавших молодых людей и убедил их соединиться и бежать из дому против воли родителей, захватив с собой музыкальные инструменты. Они так и сделали, и еще до истечения медового месяца *она* проломила ему голову контрабасом, а *он* навсегда изувечил ее, пытаясь запихнуть ей в рот гитару.

Мой новый друг сообщил мне также, что он частенько заманивал разносчиков сдобных булок, надоедавших ему своими выкриками, в темную прихожую и там заталкивал им в горло их изделия, пока они не погибали от удушья. Он уверял, что ему удалось угомонить таким образом восемнадцать крикунов.

Затем он взялся за молодых людей обоего пола, которые на вечеринках декламировали длинные и скучные поэмы, а также за развязных подростков, разгуливающих ночью по улицам, играя на гармонике. Они не стоили того, чтобы с ними возиться поодиночке, и он собирал их по десять штук вместе и приканчивал с помощью какого-нибудь яда. Ораторов из Гайд-Парка и лекторов общества трезвости он запирал по шесть человек в маленькую комнату, оставляя каждому по стакану воды и по кружке для сбора пожертвований. Таким образом он предоставлял им полную возможность заговорить друг друга до смерти.

Слушать его было большим наслаждением.

Я спросил его, когда он ожидает появления остальных духов — певца, кларнетиста и трубачей духового оркестра, о которых упоминал дядя Джон. Он улыбнулся и сказал, что ни один из них больше сюда не придет.

Я спросил:

— Разве не правда, что они каждый год в сочельник встречаются здесь, чтобы подраться с вами?

Он ответил, что это *было* правдой. В течение двадцати пяти лет они ежегодно собирались здесь и сводили счеты, но больше этого не будет. Он сумел их всех по очереди искромсать, выпотрошить и сделать совершенно непригодными для рождественских выступлений. Последний, кто сегодня еще появился, был дух одного из оркестрантов. С ним он расправился только что, перед самым моим приходом, и выбросил то, что от него осталось, через щель между оконными рамами. Он сказал, что остатки находятся в таком состоянии, что уже никогда больше не смогут называться привидением.

— Но я надеюсь, что вы сами не прекратите свои обычные визиты, — сказал я. — Хозяева дома будут опечалены, если вы перестанете навещать их.

— Ах, право, не могу обещать, — ответил он. — Не вижу в этом большого смысла. Разве что, — любезно добавил он, — если *вы* будете здесь. Если в следующий сочельник вы будете спать в этой комнате, я приду.

— Ваше общество доставило мне большое удовольствие, — продолжал он, — вы не удираете, испуская вопли, когда видите гостя, и ваши волосы не встают дыбом. Вы не можете себе представить, — воскликнул он, — как мне надоели эти встающие дыбом волосы!

Он сказал, что людская трусость донельзя раздражает его.

Как раз в этот момент какой-то легкий звук донесся к нам со двора. Он вздрогнул и смертельно почернел.

— Вам худо? — воскликнул я, бросаясь к нему. — Скажите, как вам помочь? Не выпить ли мне немного водки, чтобы вас подкрепил ее дух?

Он не ответил и несколько мгновений напряженно прислушивался, а затем с облегчением вздохнул, и тень вновь заиграла на его щеках.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Я боялся, что это петух.

— О, теперь еще слишком рано, — запротестовал я, — еще глубокая ночь.

— Разве это куриное отродье с чем-нибудь считается? — с горечью возразил он. — Они с одинаковым успехом начинают кукарекать в самой середине ночи, и даже раньше, если могут этим испортить человеку его вечернюю прогулку. Я убежден, что они делают это нарочно.

Он сказал, что один из его друзей, дух человека, убившего агента водопроводной компании, любил появляться в доме, в подвале которого хозяева держали кур, и стоило полицейскому пройти мимо дома и зажечь свой карманный фонарик, как старый петух, в полной уверенности, что взошло солнце, принимался кукарекать словно сумасшедший, и тогда бедный дух должен был исчезать. Случалось, он возвращался к себе уже в час ночи, взбешенный тем, что все его выступление продолжалось не больше часа.

Я согласился, что это, действительно, несправедливо.

— Ах, в какое нелепое положение мы поставлены, — продолжал он, вне себя от негодования. — Не могу понять, чем руководствовался наш старик, там, наверху, когда придумал этот петушиный сигнал. Сколько раз я ему твердил и повторял: установите определенное время, и каждый из нас будет его придерживаться; скажем, до четырех часов утра летом и до шести утра зимой. Какая прелесть твердое расписание!

— А как вы поступаете, когда вообще поблизости нет петухов? — осведомился я.

Он собирался ответить, но снова вздрогнул и прислушался. На этот раз я сам отчетливо услышал голос петуха, принадлежавшего нашему соседу мистеру Боулсу.

— Ну вот, извольте радоваться, — сказал он, подымаясь и протягивая руку за шляпой. — И приходится мириться, ничего не поделаешь. Интересно, который час все-таки?

Я посмотрел на свои часы и сказал, что половина четвертого.

— Я так и думал, — прошептал он. — Пусть мне только попадется эта гнусная птица: я сверну ей шею.

И он собрался уходить.

— Если бы вы подождали меня минуточку, — сказал я, вскочив с постели, — я бы проводил вас домой.

— Это очень мило с вашей стороны, — поблагодарил он, — но, — и тут он остановился, — мне, право, совестно вытаскивать вас на улицу ночью.

— Какие пустяки, — воскликнул я, — я с удовольствием прогуляюсь!

Я кое-как оделся и захватил зонтик, а он взял меня под руку, и мы вместе вышли на улицу.

У самой калитки палисадника мы встретили Джонса, одного из местных констеблей.

— Добрый вечер, Джонс, — сказал я (в праздники я всегда ощущаю прилив вежливости).

— Добрый вечер, сэр, — ответил он немного грубовато, как мне показалось. — Разрешите спросить, что вы тут делаете?

— Пожалуйста, могу вам сказать, — ответил я, взмахнув зонтиком, — я собираюсь немного проводить моего друга.

Он спросил:

— Какого друга?

— А, да, конечно! — засмеялся я. — Я и забыл. Вам его не видно. Это дух джентльмена, который убил певца. Я провожу его только до угла.

— Гм, на вашем месте, сэр, я бы этого не делал, — сказал Джонс мрачно. — Послушайтесь моего совета, проститесь-ка с вашим другом тут и возвращайтесь домой. Может быть, вам невдомек, что на вас ничего нет, кроме ночной рубашки, ботинок и цилиндра. Где ваши брюки?

Манеры этого человека возмутили меня. Я сказал:

— Джонс, не заставляйте меня писать на вас жалобу. Я вижу, что вы пьяны. Мои брюки там, где им полагается быть: на ногах их хозяина. Я отлично помню, как надевал их.

— Я их не вижу, значит, вы их не надели, — дерзко возразил он.

— Простите, — отчеканил я, — повторяю, я их надел. Полагаю, мне лучше знать, надевал я их или нет.

— Не спорю, — ответил он, — но на этот раз вы, видно, не знаете. Я провожу вас домой, и давайте не будем больше препираться.

В этот момент дядя Джон, которого, очевидно, разбудили наши голоса, открыл парадную дверь, а тетя Мария появилась у окна в ночном чепчике.

Я объяснил им ошибку констебля, разумеется в шутливом тоне, чтобы не навлечь на него неприятности, и обратился к духу, желая, чтобы он подтвердил мои слова.

Увы, он исчез. Он оставил меня, не сказав ни единого слова, даже простого «до свидания». Меня так обидела его черствость, что я разрыдался, и дядя Джон повел меня домой.

Зайдя в свою комнату, я обнаружил, что Джонс был совершенно прав. Я, оказывается, действительно не надел брюк. Они по-прежнему висели на спинке кровати. Очевидно, не желая задерживать гостя, я о них забыл.

Таковы, друзья мои, фактические обстоятельства дела, которые — как скажет каждый доброжелательный и здравомыслящий человек — невозможно истолковать превратно и клеветнически.

Но невозможное все же случилось.

Отдельные личности, — повторяю, отдельные, — оказались неспособными понять простую цепь изложенных мною событий иначе как в ошибочном и оскорбительном свете. На мою репутацию брошена тень, — и кем же? — моими родственниками, людьми одной крови и плоти со мной.

Но я не злопамятен, и лишь для того, чтобы восстановить истину и отмести незаслуженные обвинения, я выпускаю в свет этот отчет о подлинных событиях.

Сноски

1

…пэры с генеалогией от Вильгельма Завоевателя… — Пэры — представители высшего титулованного дворянства, имеющего пять рангов — герцог, маркиз, граф, виконт и барон. Принадлежность к сословию пэров дает наследственное право членства в палате лордов. Баронами стали называться владельцы «маноров» — поместий, на которые поделил Англию после завоевания страны в 1066 г. Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027—1087).

2

…две фоски… — Фоска — игральная некозырная карта от двойки до десятки.

3

…флорин… — Флорин — английская монета достоинством в два шиллинга, вышла из обращения в 1971 г.

4

Эдуард IV. — Эдуард IV (1442—1483) — король Англии в 1461—1470 и 1471—1483 гг., представитель Йоркской линии Плантагенетов, захватил престол в ходе Войны Алой и Белой розы.

5

...убит при Ватерлоо... — Ватерлоо — селение в Бельгии, близ которого 18 июня 1815 г. произошло сражение, положившее конец политической и военной карьере императора Наполеона I.

6

...лорд Напир... — Роберт Корнелис Напир (1810—1890), фельдмаршал Англии (с 1883 г.).